

Комиссия по безопасности и взаимодействию с ОНК Общественной палаты РФ, возглавляемая А.В. Цветковым, провела круглый стол на тему «Подросток в конфликте с законом – проблемы профилактики, отбывания наказания и ресоциализации». К участию в нем были приглашены представители органов госвласти, правоохранительных и контрольно-надзорных ведомств, НКО, эксперты.

Темы, затронутые участниками, мало просто называть важными. Они – остро актуальны. Подросток в конфликте с законом – это целый «букет» неразрешенных, требующих немедленного действия, помощи в типичных, тяжелых ситуациях проблем.

ПОДРОСТОК В КОНФЛИКТЕ С ЗАКОНОМ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ, ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Мероприятие традиционно проводилось во взаимодействии с Советом по правам человека при президенте РФ. На встрече Совет представляли Я.В. Лантратова, ответственный секретарь, и М.В.Каннабих.

Открывая круглый стол, Антон Владимирович Цветков призвал собравшихся выступать искренне, откровенно. Нам сегодня, сказал ведущий, нужен профессиональный диалог, чтобы мы услышали друг друга и обозначили пути решения обсуждаемых проблем.

Выступления ораторов создали картину серьезных, сложных проблем, в которых существуют подростки, совершившие правонарушения.

Яна Валерьевна Лантратова:

– Уважаемые коллеги, у нас есть поручение президента об организации общественного контроля в субъектах Российской Федерации. В рамках этого поручения мы с Советом выезжаем в регионы и проводим там различные проверки. В Совете я представляю Всероссийскую общественную организацию «Союз добровольцев России», которая представлена в семидесяти семи регионах нашей страны. Некоторое время назад добровольцы передали мне страшную информацию о жестоких фактах издевательства и насилия над детьми в детских домах Забайкальского края.

Мы создали рабочую группу, пригласили туда представителей МВД, прокуратуры, следственного комитета, министерства образования, выехали в регион и выявили тяжелейшие факты. В детском доме мальчишка украл банан, его за это посадили в железную клетку, потом начали избивать всем детским коллективом. Открылись и другие страшные дела. Мы добились возбуждения двадцати уголовных дел, инициировали девять процессуальных проверок. После чего решили посмотреть и другие социальные учреждения Забайкальского края. Оказалось, и там ситуация достаточно серьезна.

Например, мы там обнаружили лицей, где за полгода пятеро детей совершили самоубийства. Об этом, почему-то, нигде на федеральном уровне не говорилось. Что же происходит в Забайкалье? Причин, как всегда, много. Но мы выявили одну очень серьезную – многие социальные учреждения региона, в том числе интернаты, спецшколы, колонии находятся под влиянием криминальной субкультуры. Ее название – АУЕ, арестантско-уркаганское единство, или арестантский уклад единый.

Это сообщество крепко организовано. Так, на зоне сидит человек, у него есть средства связи с внешним миром (как это допускается? Это отдельный вопрос). Есть свои смотрящие на воле, которые устанавливают определенные порядки, в том числе и среди детей в социальных учреждениях. Так, детей заставляют сдавать средства на так называемый общак для зоны. Если ребенок не хочет или не может делать этого, он переходит в разряд опущенных – его могут насиловать, избивать, у него отдельная посуда, отдельная парта. Он – неприкасаемый, презираемый.

Находясь там, я подумала, что это проблема, наверное, Забайкальского края. Но когда мы вместе с председателем Совета по правам человека стали объезжать другие места, мы нашли следы этой проблемы в семнадцати регионах России. В четырнадцати регионах России мы уже добились возбуждения уголовных дел по поводу нарушения прав детей в социальных учреждениях. Очень многие истории оказались так или иначе неразрывно связаны с проблемой вовлечения молодежи в криминальную субкультуру.

Она очень серьезно сейчас развивается. Группы криминальных субкультур насчитывают, по разным данным, от 85 до 800 тысяч человек. В каждой группе мы видим очень дорогие, грамотно смонтированные ролики, записанные песни, треки – и понимаем, что за этим производством стоят достаточно большие деньги и силы.

Как дети туда попадают в АУЕ? Исследуя этот вопрос, мы увидели некоторые закономерности. Когда ребенок совершает правонарушение или преступление, он попадает в СИЗО или в спецшколу. И уже там заражается криминальной субкультурой. Он отбывает свой срок и возвращается в интернат «инфицированным». А по новому закону об образовании, как мы помним, дети из интернатов ходят в обычные школы. Так «инфекция» попадает и туда.

К сожалению, у нас отсутствует системная работа по постинтернатному сопровождению, а жизнь показывает, что она необходима. И мы вместе с Антоном Владимировичем будем создавать межведомственную рабочую группу, которая займется проблемой декриминализации подрастающего поколения. И здесь нам нужна помощь экспертов.

Пока мы не объединим наши ресурсы, наши дети могут уйти в криминальную среду. И, к сожалению, надо отметить, что она заберет самых лучших и талантливых.

Мария Валерьевна Каннабих:

– В нескольких поездках я была вместе с Яной Валерьевной. Например, в Можайской колонии. И меня поразило, что если раньше, несколько лет назад, дети как-то старались не упоминать об АУЕ, то сейчас об этом говорят, совершенно не стесняясь. Как дети попадают в это формирование? Они спокойно об этом рассказывают. Это выглядит как некое общественное движение. Дети совершенно спокойно в это общественное движение входят, работают с ним... Кто-то выходит. Но мы понимаем, что выход из такого объединения всегда опасен. Обязательно этим надо заниматься, заниматься и заниматься.

Наталья Михайловна Дзядко, директор Центра содействия реформе Уголовного правосудия:

– Я расскажу о нашем видении проблемы, с позиции Общественной наблюдательной комиссии Московской области. С 2008 года мы посещаем детские учреждения, в том числе спецшколы, СИЗО и теперь единственную в области детскую колонию.

И что мы там видим? Спецшколы прекрасно оборудованы, содержатся там, как вы знаете, подростки от 11 до 18 лет. Питание шестиразовое, то есть, на один раз больше, чем в детской колонии. Но что смущает – сроки у всех детей одинаковые, три года. Один только встретился мальчик, у которого – один год. Понятно, это вопросы к суду.

Да, минобразования очень хорошо заботится о своих подопечных. У детей есть, практически, все. У девочек даже нет нужды в бисере, в лентах для каких-то своих работ. Но лимит наполнения гораздо больше, чем содержится сейчас девочек, всего 17 человек. То есть школа может принять гораздо больше народу. Проблема с судами, судьи неохотно направляют детей в спецшколу. По их словам, они не хотят делать из них уголовников. Как будто спецшкола – это ранняя криминализация. Хотя, по нашему мнению и по мнению тех, кто в школе работает, это, наоборот, какая-то преграда на пути криминализации. В некоторых случаях это сохраняет детям жизнь. Что касается рецидива – у девочек их практически не бывает. С мальчиками сложнее, по своей мальчишеской природе они все-таки большие безобразники.

Теперь переходим к СИЗО. Здесь есть общие проблемы. Одна из них –

Дети приходят в колонии из СИЗО уже с кучей замечаний, до пятидесяти и больше. Это, сами знаете, не позволяет им уйти по УДО, погасить такое количество замечаний просто нереально. Еще проблема, она определилась в результате бесед с сотрудниками. Несмотря на то, что малолетки сидят отдельно, как это положено, со взрослыми у них постоянная связь. Перестукиваются, обмениваются информацией и так далее.

Наша идея и идея УФСИН Московской области – необходимо создать специальное помещение, фактически отдельный следственный изолятор для несовершеннолетних. Может быть, это станет некоторым заслоном для нежелательных контактов со взрослыми.

Теперь – о колониях. Там содержатся подростки от 14 до 19 лет. Быт там налажен хорошо. В Можайской колонии, например, пятиразовое питание, заново отремонтированы корпуса, в комнатах четыре, пять человек. Все удобства. Прекрасно оборудован-

ные территории, чудесная спортплощадка для футбола, для волейбола, для тенниса. Это подарок Газпрома.

Школа оснащена по последнему слову педагогики. Что важно – в аттестате не указано, что школа относится к системе ФСИН. Но новые учителя туда не приходят, все педагоги зрелого возраста. Виной всему малая зарплата, пять тысяч всего.

Еще некоторые минусы нами отмечены. Нет психологов. Мы с 2002 года посещаем колонии, помним, какая там была прекрасная психологическая работа и большая психологическая лаборатория. Видели и, ощутимые результаты этой работы. Сейчас психологов нет.

Была в колонии и большая библиотека. Сейчас и библиотека крошечная, и библиотекаря нет. Еще серьезный момент – в колонии совершенно нет воспитателей-женщин, вообще мало женщин в колонии. А это влияет на психологический климат, женщины его смягчают.

Теперь переходим к известным февральским волнениям в МВК. Мы приехали практически на следующий день. Опросили 23 воспитанника, побеседовали с ними. Никто из тех, кто написал заявление о превышении сотрудниками должностных полномочий, не отказался от написанного. А через три недели к нам в ОНК поступили от них заявления с отказом от прежних показаний.

Чем это объясняется? Мы можем только догадываться. В тоже время, недавно был попечительский совет МВК, сорок четыре сотрудника уже понесли административное наказание, как сообщил нам начальник МВК. А дальше начинается самая неприятная часть, о которой бы и не хотелось даже говорить, но приходится. Сотрудники наказание понесли, с сотрудниками разобрались, но с ребятами до сих пор этого не сделано. Хотя прошло уже сколько времени с февраля!

До сих пор дети находятся под следствием. Тут у нас уже недостаточно информации, но мы знаем, что этих ребят этапировали бесконечно, с места на место. Мы встречались с ними то в Можайском, то в Каширском следственном изоляторе. И ребята сами не могут понять, почему их гоняют с места на место.

Нужно выяснить, в какой мере реализуется право на защиту тех, кто находится под следствием. Есть ли у них защитники, присутствуют ли законные представители при проведении следственных действий в отношении несовершеннолетних и в чем состоит необходимость перебрасывания подростков из одного учреждения в другое за тысячи километров. Дети были и в Архангельске, и в Туле, и в Алексинской колонии. То, что прерывается процесс образовательный, это тоже нас смущает.

От министерства образования РФ выступил Владимир Валентинович Зарцкий, директор Центра защиты прав и интересов детей:

– Тема профилактики противоправного поведения несовершеннолетних и их ресоциализации очень актуальная. Важно различать те аспекты, которые касаются самой системы профилактики. Условно различают три уровня профилактики: раннее предупреждение правонарушений; непосредственное предупреждение правонарушений; предупреждение рецидива.

В ситуациях, когда мы говорим о непосредственной профилактике, важную роль играют специальные учебно-воспитательные учреждения для детей с девиантным поведением открытого и закрытого типа, действующие в системе образования. Сейчас таких учебно-воспитательных учреждений 68, из них закрытого типа 20, открытого типа четыре – это учреждения профессионального образования, обеспечивающие процесс ресоциализации средствами профессионализации несовершеннолетних. Общеобразовательных организаций закрытого типа 28, открытого типа 16. Все специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа имеют региональное подчинение, 23 – федеральное. Министерство образования вышло с инициативой в рамках проекта федерального закона о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признания утратившими силу некоторых законодательных актов, согласно которым из названия СУВУ убраны слова «общественно опасная». То есть, это учреждение, которое направлено на профилактику девиантного поведения. В то же время, министерством разрабатываются и типовые положения для этих образовательных организаций.

Конечно же, проблемы есть. Мы знаем о недавних событиях в Рефтенском СУВУ. Там был конфликт, воспитанники покинули свое учреждение. Но есть и учреждения, которые показывают, как можно наилучшим образом организовать пространство ресоциализации..

Я, как и руководитель федерального центра, и в тоже время, как член правления общественной организации Российской Макаренковской ассоциации, могу сказать: решение многих проблем мы найдем, обратившись к опыту и традициям Антона Семеновича Макаренко и его последователей, Мы буквально только что провели здесь же, в зале совета круглый стол с образовательным вебинаром. В нем приняли участие в онлайн- режиме более двух тысяч человек и столько же прошло обучение в рамках повышения квалификации.

Наш федеральный центр выпускает электронный учебно-методический журнал «Профилактика зависимостей», где рассматриваются вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений, представлены методические разработки и сценарии. Мы даем все, что необходимо для педагога, чтобы он мог оперативно включать новую информацию в свою работу.

Также хочу сказать, что сейчас направлен на согласование в правительство комплекс мер по раннему выявлению и профилактике аддиктивного и девиантного поведения детей и молодежи. Там представлена масса разнообразных инициатив со стороны Министерства образования и науки РФ по разработке типовой модели деятельности педагога-психолога. Разрабатывая модель, мы учитываем, что педагога-психолога необходимо обучать определенным видам деятельности, особенно работе с детьми с девиантным или противоправным поведением.

Уверен, что в ближайшее время эти законодательные инициативы министерства будут представлены на широкое обсуждение.

Антон Владимирович Цветков:

– Это будет нечто новое в работе, хотя мы привыкли слышать, что из года в год мы оперируем старыми понятиями и фактами. Думаю, в сфере документальной поддержки

работы учреждений, о которых мы сегодня говорим, мы не отстаем. Отстаем в другой сфере – практической. Мир противоправный очень активно работает с молодежью, и именно в практической составляющей. Реально работает. А мы, к сожалению, здесь, наоборот, теряем позиции. Что у нас происходит? Все внеурочное время для молодежи стало платное. Сначала мы убрали из системы образования воспитательную составляющую. Потом сделали платным практически всё допобразование.

Новый министр, наконец, услышал нас, и речь идет о том, что необходимо возвращать воспитательную составляющую в школы. И, второе, необходимо сделать доступными досуговые занятия детей. Сейчас они очень дорого обходятся родителям, и их мало кто может себе позволить. Я с директорами школ разговаривал, у нас, говорит они, недорого, у нас 250 рублей в час в спортивной секции. Слушайте, 250 рублей в час умножаем на необходимое количество занятий в месяц, это же тысячи рублей получается!

Это 30-40 тысяч рублей в год, что в принципе составляет стоимость абонемента фитнесклуба очень высокого уровня. Дальше, мы убрали воспитательную составляющую полностью из телевидения. Там торжествует антивоспитательная составляющая. Плюс влияние интернета и улицы. А родители говорят, нам некогда заниматься детьми, мы соответственно должны зарабатывать деньги. Кто воспитывает детей? В лучшем случае – бабушки, а то и гастарбайтеры-домработницы, няни, еще кто-то...

Я не обобщаю, эта проблема, она действительно существует. Мы изучали поведение детей, в частности, на объектах транспорта. Зацеперы и вандализм. И стало ясно – серьезные деньги вложены в раскрутку этих групп в интернете. Действительно, там промышленным образом производится сувенирная продукция, которая широко распределяется.

Я знаком с мамой погибшего зацепера. Она решила жизнь свою посвятить борьбе с зацепингом. А в это опасное занятие у нас только на территории Москвы и Московской области втянуты более 5000 человек. Так вот, на мать погибшего в социальных сетях массово, жестко начали наезжать различные боты, тролли и тому подобное.

Я сам с этим столкнулся, как только написал в СМИ об этой проблеме. Меня начали также системно атаковать боты и тролли, а они бесплатно не работают.

Эта система вовлечения несовершеннолетних в регулярные нарушения норм действующего законодательства, за которые не предусмотрено серьезной ответственности, приводит к тому, что потом «закаленных бойцов» можно направлять уже на более серьезные дела. А потом мы все сваливаем на ФСИН.

Одна из мер, которые мы предлагаем – вернуть воспитательную составляющую не только в школы, но на телевидение. Я прошу вас также нас поддержать в том, что все государственные, муниципальные учреждения для несовершеннолетних во внеурочное время должны быть на безвозмездной основе. Хотя сейчас мы только и слышим со всех сторон: поднимайте внебюджетку, поднимайте внебюджетку. И вся внебюджетка тратится внутри учреждений. Они работают сами на себя, на процессинг. Абсурд!

Вот в Москве берется земля и сотни миллионов государственных рублей на то, чтобы построить физкультурный комплекс. Потом этот комплекс начинает за деньги продавать услуги. А зачем тогда строили комплекс на государственные деньги, содержим штат?

А потом мы говорим, что у нас проблема с молодежью. В интернете с ней работают эффективно, по телевидению эффективно, а в позитивном плане с молодежью работают энтузиасты. Везде одни и те же люди, которые думают, как им выжить без финансирования.

Валентин Михайлович Гефтер:

– Я занимаюсь сферой уголовного правосудия. И у меня такое впечатление: до того, как подростка привлекли к уголовной ответственности, им еще есть кому заниматься. Это школы, комиссии по делам несовершеннолетних, я уж не говорю о семье. Но, как только он попал в СИЗО, им, кроме следователя, судьи и прокурора, заниматься некому.

Мы в Президентском совете разработали закон о Федеральной службе пробации. Он не прошел в силу больших материальных и прочих трудностей. Но пробация, то есть, социальное сопровождение подростка с момента попадания в сферу правосудия, дело совершенно необходимое, принятое во многих странах. У нас таких центров нет ни одного.

Конечно, вы можете сказать – нас есть ОНК. Но ОНК – это пожарные, ОНК приходит в критических ситуациях и никак не могут заменить системную работу. Члены нынешнего Президентского совета, и Андрей Владимирович Бабушкин, мы предлагаем постепенное градуированное введение этой службы пробации. Конечно, через закон, потом через пилотные проекты.

Там должны быть социальные работники. Там должны быть люди на госслужбе, как говорится, гражданской, это не силовики и не общественники, которые могут быть только подмогой в службе пробации. Теперь второй момент. Почему многие несовершеннолетние правонарушители попадают в СИЗО и дальше в колонию? Потому что нет альтернативы не только службе пробации, но нет и места, куда поместить ребенка, который находится на полпути к правонарушению. Ведь если с ним поработает сотрудник службы пробации или судья, если дойдет до суда; если там будет служба медиации, служба восстановительного правосудия, то куда его вернуть? Выход один – только домой. Но он именно там стал незаконопослушным!

Нужны социальные центры, которые не за решеткой и не за колючкой содержат людей, не те самые охранники, которые сегодня служат во взрослых колониях, завтра у детей и так далее. И тогда криминальная субкультура, которая перетекает из взрослых колоний в подростковые, получит заслон.

Важно отметить также, что молодежные волнения, я их так условно назову, или какие-то конфликты в зонах, в СИЗО явно показывают: нет у нас алгоритма, по которому можно расследовать случаи, когда не подростки нарушают закон, а, наоборот – закон нарушается по отношению к ним. На сегодняшний день все вместе наваливаются – и уполномоченные, и ОНК, и органы следствия.

Мы разработали некий алгоритм взаимодействия общественных структур типа СПЧ, УПЧ, ОНК с органами прокуратуры, с органами следствия по такого рода вещам. Будь такой алгоритм принят, не получилось бы, как с ситуацией в Можайской колонии. Сотрудников якобы наказали, а ребята ходят больше года под следствием. И их еще гоняют чуть ли не по всей стране, по разным учреждениям. Необходим концентрирован-

ный, четко отработанный механизм реагирования на случаи, когда нарушаются права детей.

Наталья Анатольевна Вайснер, руководитель специальной школы «Шанс»:

– В свое время школа наша сталкивалась со многими трудностями. Нам помогли. Мы сейчас работаем на базе департамента труда и социальной защиты населения города Москвы, от департамента образования ушли.

В школе два отделения. В одном из них 20 человек. Аттестат дети получают без записи, что это специальная школа, на это есть договор с департаментом образования города Москвы. Наши дети имеют возможность сдавать ЕГЭ, раньше в спецшколе такой возможности у них не было. И один мальчик у нас в этом году по результатам ЕГЭ поступил в институт.

Такая получилась коллизия: КДН против того, чтобы он вышел из спецшколы, его плохое поведение ему припоминают. А в институт он поступил. И, поскольку он находится в школе закрытого типа, мы его за ручку водим в институт, и учится он прекрасно, на дизайнера.

Такое могло случиться благодаря и тому, что национальный фонд «Мультитерапия» проводил у нас целый год занятия. И мальчик так вдохновился, что теперь получает высшее образование.

Это первый у нас такой опыт. У нас есть второе отделение на базе школы. Поскольку мы не в департаменте образования, у нас более широкие возможности, и на базе школы было создано отделение реинтеграции несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом. Это прототип службы пробации. С детьми, начиная с первых дней следствия, индивидуально работает психиатр, психотерапевт.

После получения приговора мы работаем с детьми на базе Можайской воспитательной колонии в рамках школы подготовки к освобождению. Когда ребята выходят, они с нами работают еще три года по программе 18+ и пять лет, если этот ребенок был до помещения в колонию сиротой

Занимаемся и детьми, получившими условный срок. Каждый имеет индивидуальную помощь. Причем, вся семья получает эту помощь, комплексную. Создается индивидуальный план профилактической работы. Он утверждается в комиссии по делам несовершеннолетних, по защите их прав. Носит она межведомственный характер. Мы очень серьезно относимся к привлечению общественного сектора.

У нас есть возможность привлекать практически все необходимые для этого ресурсы. Мы их привлекаем не на базе учреждения, а на базе потребностей ребенка. Работаем только по Москве.

Увидев нашу системную работу, наши усилия по объединению разных ведомств, Агентство стратегических инициатив в этом году включило нас в системный проект. Нам предложили стать межрегиональным ресурсным центром методическим по поддержке такого рода направлений в России. Мы готовы. Мы не просим никаких дополнительных ресурсов. Они у нас сейчас есть.

Работа в этом направлении уже началась. Вместе с Фондом поддержки детей, переживших насилие и с фондом «Забота», которые при ФСИН России работают, мы созда-

ли миниэнциклопедию специальных практик. Всем регионам России было предложено разместить на нашей интерактивной карте свои положительные практики.

Сто пятьдесят практик было прислано. Эксперты разных направлений их проверили, из разных университетов и профильные эксперты. Только двадцать четыре практики было рекомендовано специалистами. Понимаете, какая у нас черная дыра в технологиях индивидуальной работы с ребёнком?

Юрий Борисович Котов, ответственный секретарь московской городской межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав:

– То, о чем рассказывает Наталья Анатольевна – это чистая инициатива городской комиссии в лице ее председателя Леонида Михайловича Печатникова, заместителя мэра Москвы по социальному развитию. Мы много лет пытались развивать эти идеи на базе городского центра «Дети улиц», сейчас они получили поддержку. И сегодня реализуем их на базе школы «Шанс».

Единственная проблема – законодательная. Дознаватель, следователь не обязан сообщать о том, что он дело возбудил. В суде-то проще, там уже знают, кто и что совершил. Если бы закон обязал органы дознания сообщать в комиссию возбуждении дела в отношении несовершеннолетнего, помогать ему можно было начинать на более ранней стадии.

Благодаря спецшколе «Шанс» удалось наладить взаимодействие со следственными органами, с органами дознания. В данном случае – на чисто личных контактах.

Здесь говорилось о том, что в Москве все секции, кружки стали платными. Для нашего контингента проблема в том, что подросткам ничего не хочется, как правило. Есть постановление городской комиссии о том, что все подростки, состоящие в комиссии города Москвы, должны приниматься в любой кружок или секцию бесплатно. Поэтому главная задача – уговорить подростка

Светлана Метегина, дважды чемпионка мира по тхэквондо, член оперативно-молодежного отряда, член ОНК:

– Я немало времени занималась тренерской деятельностью и могу сказать, что очень сложно устроить ребенка в какую-то бесплатную секцию.

Это касается и школы, и государственной детско-юношеской спортивной школы. Но это все же не главный вопрос. Я сама была когда-то трудным подростком и хорошо понимаю сегодняшних ребят. И, бывая в ЗИЗО, вижу: многие из них уже живут по понятиям. Из этого, сложно потом выбраться. Для них работа, я на сленге скажу, это стремно. Учеба – тем более. Я думаю, что ресоциализация, она должна начинаться не только в следственном изоляторе, а до него.

Давайте подумаем, чем их может привлечь здоровое общество, в чем они могли бы себя проявить. Мое здоровое общество – это был спорт, который всегда тебя к чему-то хорошему мотивировал.

Была цель. Сейчас где цель у нашего подрастающего поколения, молодежи?

Владимир Васильевич Морозов:

– Я на протяжении многих лет представляю Центр Макаренко, этим занимаюсь, можно сказать, почти всю жизнь. Потому что родом из этого Макаренкоовского гнезда, как воспитанник Семена Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных. Одни из учеников Макаренко. Если вернуться в двадцатые годы, мы вспомним: перед страной стояла большая, серьезная проблема – как воспитать невоспитуемых.

Скажите, эта проблема сегодня есть? Есть. Макаренко в двадцатые годы перечитал столько педагогической литературы, сколько за всю жизнь не читал. И не нашел ответа – как ее решать. И начал искать сам.

И пришел к выводу, что на первых порах требуется всего две вещи. Это немедленный анализ и немедленное действие. С какой проблемой ты столкнулся и как ее разрешать практически? А Семен Калабалин, мой учитель, выступая перед педагогами, делал акцент вот какой: если наши подростки способны на миллион всевозможных разных проступков, то учитель обязан иметь в запасе два миллиона противодействий. А воспитанники были не просто трудные, не просто невоспитуемые. Макаренко говорил: они еще были и опасными. С другой стороны, Макаренко знал, что начинать надо с себя. Он должен измениться. И был вынужден выработать в себе новые качества. Стать требовательным, жестким, принципиальным и суровым.

Он же отметил многие недостатки, какие были у воспитанников. Целый набор. Читаю в «Комсомольской правде», какие качества у наших подростков преобладают сегодня. И был удивлен: то, с чем боролся Антон Семенович, сегодня у ребят на первом месте. Поколения сменяются, а задачи перед педагогами остаются прежние. Значит, надо глубже изучать ценный опыт, учиться на опыте лучших.

Елена Гордеева, организация «Центр содействия реформы уголовного правосудия», член ОНК города Москвы прошлого созыва:

– Лет десять назад в воспитательных колониях, которых было шестьдесят две и в них отбывало наказание в десять раз больше человек, чем сейчас, волнений, можно сказать, не было. Тогда в воспитательных колониях содержались «дети» до 21 года. И когда случился, примерно в 2010 году бунт в Кировоградской воспитательной колонии, Госдума сразу же приняла закон о том, чтобы снизить возраст пребывания до 19 лет.

Логика была такая: двадцатилетние, они провоцируют несовершеннолетних на эти волнения и поднимают зоны. Но сегодня мы имеем около десятка воспитательных колоний, в которых за последние только два года были внештатные ситуации.

Может быть, ошибочно снизили возраст? Ведь теперь у нас не двадцатиоднолетние, а восемнадцатилетние идут во взрослые колонии, они просто не успевают досидеть до УДО.

Еще важный момент: в волнениях у нас всегда виноваты дети. Точка отсчета всегда одна – виноваты дети, и они дети будут наказаны более строго, чем те взрослые, которые призваны их воспитывать, перевоспитывать. По крайней мере, исправлять. Тут было сказано о Макаренко, о педагогическом аспекте. Так вот сегодня он практически в воспитательных колониях сведен к минимуму. Потому что кадров нет. Увольняют

в первую очередь кого? Сокращают, оптимизируют? Прежде всего, социальных работников, воспитателей, остается только охрана режима и оперативная работа.

Безусловно, это тоже важно, но педагогическая составляющая уже просто стремится к нулю.

Сергей Михайлович Харин, координатор департамента по социальной работе, член Общественного совета УФСИН Красноярского края:

– В одной мудрой книге сказано: наставь юношу в начале пути, и он не уклонится от него позже. А мы с этим часто запаздываем. АУЕ – это реальная проблема сегодня у нас. И вовлечение в нее. У нас есть некий опыт и практика по привлечению равных консультантов. Кто такой равный консультант? Это человек, который сам был в какой-либо сложной ситуации, может быть, прошел тюремную систему, но после встал на путь исправления.

Этот человек, исходя из своего личного опыта, может быть примером. Не нарушения закона, естественно, а примером преодоления.

Конечно, вопрос профилактики очень актуален. И вопрос создания системы пробабии. Не всегда человек, освободившись из мест лишения свободы, сам пойдет в какую-либо службу. Нужны те, кто ему просто посоветует, что делать. Не на иждивение возьмут, а подскажут, какие делать шаги.

Михаил Владимирович Сенкевич, член общественно-наблюдательной комиссии и председатель АНО по социальной адаптации граждан «Опора нации»:

Поддерживаю все, сказанное здесь относительно великой проблемы этой, огромной беды для страны, этой пресловутой АУЕ.

Мы работаем в московских изоляторах три года уже. С нами в команде ходят человек, наверное, семь-восемь, которые сами когда-то отбывали наказание. Мы проводим мероприятия духовно-нравственные, духовно-просветительские. Наш опыт признан положительным. И мы готовы передать его в регионы. Хорошо бы выявить организации, которые занимаются ресоциализацией, и оказать им всяческое содействие.

Ростислав Александрович Прокопишин, сотрудник Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета и Городского психолого-педагогического Центра при департаменте образования города Москвы:

– Мы работаем как раз с теми детьми, которые еще не шагнули по ту сторону закона. Есть две основные проблемы, с которыми мы столкнулись. Первая – это досуговое пространство. Дети проводят свое свободное время теперь в торговых центрах. Там-то они и сталкиваются и с наркотиками и со всем остальным. Именно там происходит первичная криминализация. Почему детей так привлекают торговые центры? Досуговых бесплатных организаций не хватает, а в торговом центре, по крайней мере, тепло. Когда мы с детьми общаемся, они ровно об этом и говорят. Как и родители.

Второй момент. Мы столкнулись с околоспортивной ситуацией. Когда детей собирают по сетям социальным по пятьдесят, по семьдесят человек в группы, стравливают.

Они приходят с битами, трубами, кастетами, со всем, чем можно убить, и начинают драться.

Пять случаев за лето предотвратили, два случая не предотвратили. Видимо, на них даже делают ставки и там есть даже какая-то коммерция. Сами дети не знают об этом.

Ребят, зараженных околофутбольными страстями, очень много. Думаю, от 40 до 60% состава 9-х – 11-х классов. Их сразу видно, когда мы выходим на инциденты, достаточно пары ключевых слов, и глаза детей загораются.

Как мы выходим на инцидент? Допустим, случилась драка в школе, школа обращается в Городской психолого-педагогический центр, и мы проводим свои мероприятия.

Здесь я должен сказать, что психологов, в нашей системе катастрофически не хватает. Раньше готовили их в университете, но сейчас что с подготовкой происходит!.. Идет борьба какая-то странная между педагогами и психологами. Это что-то невообразимое. Необходим какой-то, что ли, концептуальный документ, который примирит эти два направления.

Я понимаю, что у нас есть Исаак Иосифович Калина со своими взглядами на эту всю систему. Но нам никуда не уйти от того факта, что педагогов и психологов поставили в конфликтные отношения.

Следующий момент – нет никаких затрат на социальный сектор. Но если мы не будем инвестировать в человеческий капитал, тогда будет тратиться на тюрьмы и на полицию. Последняя проблема, на которую хотелось бы обратить внимание. Это система центров. Если помните, были теракты в Москве, с Норд-Оста начиная. Создали систему центров психологических при департаменте образования. Четырнадцать лет их ставили, заработало, за два года все ликвидировали под корень.

Ответственно об этом заявляю. Мне терять нечего, я долго в этой системе работаю и знаю, что происходит. Уже край, все, дальше некуда. Было бы хорошо, если бы общественность вступилась, вообще обратила внимание на это, потому что речь идет о нашем будущем, о детях. Дети, которые уже включены в околофутбол. С АУЕ мы пока не столкнулись, всего пара прецедентов была. Но эта штука будет развиваться. Если мы вспомним, что 2018 год у нас год чемпионата мира по футболу и выборы президента.

Отличная комбинация получается для внешних сил! То-есть, можно ждать проблем в квадрате.

Евгений Александрович Здобнов, заведующий отделом по делам несовершеннолетних администрации губернатора Московской области:

– Ресоциализация – это очень важно. У нас с 2007 года за каждой спецшколой и Можайской колонией закреплен координатор, который работает с подростками. Именно прорабатывает вопросы ресоциализации этих детей. Если подросток выходит, он должен иметь паспорт, все необходимые документы. Прорабатывается вопрос о дальнейшем его обучении, трудоустройстве.

На протяжении всего периода пребывания в спецшколе куратор общается с подростками, также общается с органами местного самоуправления, с КДН, наблюдает за семьей. Смотрит, в какие условия попадет подросток, выйдя из спецшколы. Принимает необходимые меры по защите и восстановлению прав, если это требуется. Неважные

отношения с родителями? Куратор делает все необходимое для восстановления этих отношений. Бывает, как крайний случай, встает вопрос о лишении отца или матери родительских прав.

Есть еще проблема, которую здесь не затронули. Я – прокурорский работник, в свое время много занимался делами несовершеннолетних. И знаю, что в нашей судебной практике нет направления детей в СУВУ. В каком случае это возможно, в каком допустимо? И оттого некоторые спецшколы стоят ненаполненными, хотя подростка можно было бы поместить туда, а не в колонию.

Вот у нас в Кашире большая спецшкола, хорошая спецшкола, там много работают по ресоциализации. Но наполняемость могла быть и больше, если бы была определенная позиция судов. Обзора судебной практики, я так думаю, не было уже довольно давно по этому вопросу.

Если говорить о профилактике, то здесь я готов поддержать тему, уже прозвучавшую: у детей нет возможностей для полезного, интересного досуга.

Муниципальные образования у нас в Подмосковье занимают разные позиции. Знаю в Дмитровском муниципальном районе школу олимпийского резерва. Благодаря работе главы муниципального образования там практически 70 – 90% всех учреждений дополнительного образования бесплатные. Любой ребенок может туда прийти заниматься.

Еще хотел бы рассказать про клуб в Сергиевом Посаде. Возник он шесть лет назад и называется «Воин». Там обучают детей тайскому боксу. Так за шесть лет работы численность детей, которые посещают этот клуб, составила более процента детского населения района! Этот тренерский состав на собственном энтузиазме, бесплатно работает с нашей категорией детей. Скольких ребят уберегли тренеры от дурного влияния!

Сергей Борисович Филимонов, первый заместитель начальника управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН:

– Хотелось бы остановиться на выступлении, касавшегося чрезвычайных происшествий в колониях. Не имея точно информации, не стоит делать выводы. И в Советском Союзе были волнения, и в постсоветском пространстве.

Что касается сокращения воспитателей и соцработников – откуда вы берете информацию? На сегодняшний день во взрослых колониях на 400 человек один соцработник приходится, к сожалению, такая нормативная нагрузка. А в воспитательных колониях – порядка 20-30 человек на одного воспитателя. Поэтому прошу, если есть какие-то информационные пробелы, обращайтесь, мы готовы предоставить информацию.

Теперь к теме нашей общей – к АУЕ. Мы видим, как прогрессировала эта криминальная идеология. Это, к сожалению, есть. И она влияет на положение дел, на оперативную обстановку непосредственно в спецучреждениях. А это – беру общую цифру – около 10000 несовершеннолетних. На них влияет и интернет, и региональные особенности, и семья. Есть случаи, когда дети боятся освободиться из воспитательных колоний и идти домой. Почему их там встретят папа, мама или еще кто-то и спросят: а почему ты там все правильно делал? Выполнял требования администрации? Это им в вину поставят!

Дальше – дворовая среда. Тоже очень сильно влияет. Сегодня минобр разрабатывает концепция профилактики правонарушений до 2020 года, по инициативе ФСИН проблематику внесли туда.

И последнее. Яна Валерьевна рассказала о том, что приехала в Забайкальский край и выявила эту проблему. Скажите, где были наши внутренние органы? Где была региональная комиссия по делам несовершеннолетних? Почему Москва должна приезжать и выявлять эту проблематику? Давно уже идет речь о наделении более широким кругом полномочий региональных комиссий по делам несовершеннолетних и ответственности за это дело.

Анатон Владимирович Цветков:

– Подводя итоги, можно сказать, что существующие проблемы мы знаем. Надо признать, что никоим образом системная работа не выстроена, за редким исключением. Исключения все-таки есть – патриотические клубы, те или учреждения, о которых здесь говорилось. Я могу ошибаться, и в этом случае вы меня поправите, но за редким исключением нет и единой государственной системы, которая бы занималась реальной профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних. Акции, мероприятия, конкурсы, там еще что-то, да, это здорово, но эффективность от них – процентов 5-10.

Необходимо выработать пути решения. И я вас призываю внести свои конкретные предложения. Давайте попробуем выработать, как сейчас принято говорить, дорожную карту реальных действий, которые были бы направлены именно на системную работу среди молодежи. Причем очень важно поддерживать именно те секции, те клубы, где имеется еще реально воспитательная составляющая. Чтобы дети были заняты не только спортом, а чтобы укреплялось их мировоззрение, развивались чувства, душа. Тогда мы сможем увидеть результаты профилактики правонарушений.

Л.П. Тархова,

корреспондент журнала «Профилактика зависимостей»

